

Т. Мокеева

Решение проблемы становления личности в повести Э. Т. А. Гофмана «Повелитель блох»

Практический романтизм как жизненная стратегия

Серьезная и значительная в философском отношении проблема, волновавшая Гофмана в продолжение всего его творческого пути, — проблема осознанного выбора человеком жизненной стратегии и становление его в качестве полноценной (цельной) личности. Так или иначе она затрагивается во многих произведениях писателя: назовем хотя бы повести «Золотой горшок» (1813), «Щелкунчик и мышинный король» (1817), «Повелитель блох» (1822), феерию «Принцесса Брамбилла» (1821), романы «Эликсиры сатаны» (1816), «Житейские воззрения кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах» (1819—1821). Однако если в ранних сочинениях Гофмана (вспомним героев «Кавалера Глюка» (1809) и «Золотого горшка», певицу из «Дон-Жуана» (1812), Крейсlera «Крейслерианы» (1810—1814)) становление человека в качестве человека связывается, прежде всего, с необходимостью исполнения им некоего высшего (божественного) предназначения, чаще всего творческого, ибо высшим типом личности для Гофмана всегда оставался художник в широком смысле слова, с поиском внутренней (в себе) и внешней (с миром) гармонии, неотделимым от личного самосовершенствования, с течением времени происходит явственная эволюция универалистских раннеромантических представлений писателя о достоинстве человека и смысле достойного человеческого бытия в сторону «заземления» их в направлении поиска разумного компромисса между чувством «высшего бытия» и потребностями земной жизни, в частности необходимостью активного противодействия личности пошлости, бездуховности, всевластию денег. При этом никоим образом нельзя говорить о снижении романтического пафоса у позднего Гофмана, о конформизме его поздних произведений, ибо, несмотря на случившийся в последние годы жизни писателя частичный расчет его с романтизмом¹, ни о каком соглашении с филистерством, хотя бы

и просвещенным, в случае Гофмана не может быть и речи². До самой смерти он сохранял стойкую приверженность высшим романтическим ценностям, оставался верен убеждению, что именно романтик — мечтатель, энтузиаст, художник, носитель миропонимания, проникнутого неукротимой жаждой всеобщей гармонии, свободы, творчества, личность, исполненная любви к миру, духовно озабоченная, непоколебимая в стремлении к Идеалу, — есть высший человеческий тип, возможно, единственный способный прорваться к некоему более высокому жизненному смыслу и вдохновить на это других. Что же касается идейно-нравственной эволюции гофмановских взглядов, суть ее можно определить как движение от романтизма теоретического к романтизму практическому.

В конце своей недолгой жизни Гофман был занят переосмыслением собственных романтических взглядов, работал над «концепцией романтического преобразования действительности»³. Его волнует судьба романтически возвышенной, духовно и нравственно обеспокоенной личности, вынужденной осуществлять свою жизненную программу, обретаясь посреди сугубо материально озабоченного общества, далекого от ее высоких представлений, встречающего их не просто непониманием, но зачастую презрением и пренебрежением, и он ищет для своих любимых героев пути к достойному существованию в суровой действительности. Что может и что должен противопоставить романтик вызовам времени и обстоятельств, обществу торжествующего филистерства? Ответить встречными ненавистью и презрением? Замкнуться в сфере мечтаний и грез? Уйти в себя, в религиозное или иное отречение от суеты мира? Однако ни участь мизантропа, вместе жалкого и страшного в собственной человеческой неприкаянности, в абсолютном неприятии мира и людей, ни участь Дон Кихота или отшельника Серапиона (имеется в виду герой одноименной гофмановской новеллы. — Г. М.), лишенных в своем бытии каких бы то ни было практических оснований, не устраивают Гофмана в качестве возможной альтернативы бездуховному филистерскому существованию. Равно не привлекает его и религиозное отречение⁴ от жизни, в котором такие значительные представители романтического движения, как Новалис, Ф. Шлегель, К. Brentano, видели единственный реальный путь очищения и совершенствования человека и человечества.

Неисправимый романтик, Гофман мыслит решение проблемы достойного противостояния человека засилью пошлости, прагматизма, корыстного расчета иначе: как путь действия, разумного компромисса с действительностью при сохранении верности высшим романтическим идеалам (в конечном счете — идеалам добра, гармонии, справедливости). Убежденный, что первейшая обязанность художника — средствами своего искусства помогать утверждению на земле «более высокого образа бытия»⁵, способствовать тому, чтобы романтическое чувство сопричастности выс-

шей надмирной тайне сделалось уделом не избранных, но многих, и не только в мыслях, но и в поведении, в поступках, он категорически не приемлет в жизни позиции соглашательства, смирения, отречения. Движимый мечтой о достижении «внутреннего единства жизни и искусства»⁶, потребностью жить и поступать в согласии с тем, о чем пишет, что проповедует, не кивая на трудности и сложности жизни, а вопреки им, он устремлен к практическому созиданию одухотворенной, романтически приподнятой новой действительности, в которой возвышенное и обыденное, реальность и идеал, жизнь и искусство достигли бы органичного единства. И стремление это, хотя и не получившее у писателя законченного теоретико-концептуального выражения, но отчетливо запечатлевшееся во многих сочинениях и в самой его жизни, позволяет не без оснований характеризовать его как вдохновенного идеолога практического романтизма и убежденного романтика-практика, в подтверждение чего напомним о таких незаурядных (и странных, учитывая отчетливо обозначившуюся в общественном сознании еще при жизни Гофмана тенденцию к профанации романтизма) его поступках, как воистину героическое сражение с филистерством — просвещенным, идейным, эстетствующим, сознательно культивирующим и насаждающим в обществе свою убогую «мудрость», — предпринятое на страницах «Житейских воззрений кота Мурра», как бесстрашная и заведомо неравная схватка с прусской государственной машиной в связи с преследованием «так называемых "демагогов"»⁷.

Суть практического романтизма в литературном творчестве писатель хорошо растолковал в одной из бесед Серапионовых братьев: она в том, чтобы «вносить нечто сказочное в нашу современность, в действительную жизнь»⁸. При этом, чтобы сказочный мир, творимый художником, не повисал в «воздухе безо всякой опоры» и был способен «воспламенить внутренний дух», «основание небесной лестницы, по которой кто-то хочет взобраться в горние выси, должно быть закреплено в жизни, так чтобы каждый мог вскарабкаться следом. А когда он, взбираясь все выше и выше, очутится в фантастическом волшебном царстве, то подумает, будто это царство все еще принадлежит к его жизни и, в сущности, составляет самую чудесную, самую прекрасную ее часть»⁹. В повседневной же жизни следование стратегии практического романтизма связано, в гофмановском понимании, с приобщением к священной гармонии мироздания¹⁰, минимизацией филистерских склонностей к потребительству и наслаждению, привычке на все смотреть с точки зрения личной выгоды и корысти, с приверженностью христианским заповедям веры, бескорыстной любви, созидания добра.

Решительно отвергая в современной ему действительности всевластье денег, механистическую рассудочность, бездуховность, Гофман вместе с тем был полон любви к миру и человеку в том облике, в каком их замыс-

лил Бог. Доброжелательность, искренняя человечность, сердечность — главнейшие доминанты его творчества, в котором, при том что подчас «ирония и сатира Гофмана ... конечно, убийственны», «в то же время нет ни малейшей ноты брезгливого презрения, *нет злорадства*»¹¹, зато в полной мере слышима и ощутима боль за человека: его мелочность и пошлость, слабость, непротивление низким страстям, безверие и неспособность любить — за это более всего, поскольку именно с любовью, с культивированием ее благодетельных ростков в душе человека писатель связывал свои лучшие надежды на возрождение, расцвет и зрелость человеческого бытия.

Представление о любви как о «могучей таинственной силе, что потрясает и преобразует глубочайшие основы бытия»¹², соединяет разные его формы и уровни, примиряя этические и эстетические начала человеческой души, обнаруживая «истинное духовное единство разных полов»¹³ и благополучно разрешая «неизбежный дуализм природы» (385), составляет основание концептуальных гофмановских наработок по проблеме практического романтизма. При этом сокровенное могущество и тайна любви в ее человеческом измерении неразделимы для писателя с лучшими, благороднейшими качествами, свойственными натуре человека: чистотой души, бескорыстием, добротой, великодушием. Он решительно не склонен, и свидетельством тому все его творчество, связывать суть человеческой любви с банальными проявлениями одной из природно-физиологических потребностей, равноприсущих и животному, и человеку. Физическая любовь, в понимании Гофмана, — лишь одно из многих наслаждений, которыми мир прельщает нас и которые, если мы по легкомыслию или неразумию не знаем в них меры, чаще всего губительны для нас, ибо «следствием их неизбежно бывает неопишное отвращение к жизни, полный упадок сил, тупое равнодушие ко всему высокому: они заглушают лучшее в человеке — его благородное духовное начало»¹⁴. Но только чистой, бескорыстной любви, что нисходит на человека как «благословение горнего мира»¹⁵, под силу вознести его на более высокую ступень бытия, которая выходит за рамки личного существования и ведет к надличному, высшему единству. Только очищение чувств, смягчение душ, сознательный отказ от безумных страстей в пользу горних воспарений во всем, и прежде всего в отношении людей друг к другу, поможет человеку сделать шаг навстречу своему высшему «я», к более зрелому и достойному его свободному, творческому бытию.

Глубокое и своеобразное преломление нравственные, философские и эстетические искания, ознаменовавшие последние годы жизни Гофмана, получили в сказочной повести «Повелитель блох», названной автором «безумнейшей, причудливейшей из всех сказок» (386). Волею судьбы ставшая как бы его духовным завещанием, утверждающая активную жиз-

ненную позицию и приверженность заветам веры и высокой любви в качестве необходимейших компонентов достойного человеческого бытия, эта повесть по праву должна быть признана одним из вершинных созданий гофмановского гения, достойно увенчавшим творчество великого писателя, гуманиста и романтика. Главный ее герой — тридцатишестилетний господин Перегринус Тис, типичный гофмановский мечтатель, который не приемлет господствующего в обществе потребительского отношения к жизни, которого гнетет филистерская общественная психология с присущим ей пренебрежением к духовной сути и духовному предназначению человека, игнорированием естественной человеческой потребности в любви, понимании, чувстве причастности к чему-то вечному, непреходящему. Характеризуя Перегринуса, Гофман подчеркивает, что с самого детства душу его затрагивало «все чудесное, все, что возбуждало фантазию» (295), при том что всегда, даже будучи совсем маленьким ребенком, он питал «решительное отвращение» (296) к «большим денежным мешкам и счетным книгам» (296). Учеба в Йенском университете, который в конце XVIII — начале XIX века являлся, как известно, своего рода кузницей и цитаделью романтиков и романтизма¹⁶, по-видимому, только укрепила героя в этих убеждениях, так как, возвратясь после учения в родной Франкфурт, он, не в силах одолеть неприязни к цивилизации машин, автоматов и «золотого тельца», оказывается не у дел и живет, «замкнувшись от всякого общества, в глубочайшем одиночестве» (298). Над Перегринусом довлеет репутация взрослого ребенка, «простофили» (341), «блаженного дурака» (369), «болезненного меланхолика» (292), он не может найти практического применения для своих убеждений, не знает, как надлежащим образом занять свое место в мире, и, полагая, что лично от него мало что зависит в общем балансе истинного и ложного, добра и зла, исповедует позицию стороннего наблюдателя жизни.

Что ожидает его в дальнейшем? Умом Гофман признает неизбежность той или иной трагической судьбы для человека с «нежной, меланхолически настроенной душой» (338), вынужденного жить в мире наживы в «бедное, жалкое время внутреннего огрубения и слепоты»¹⁷, но не может и не хочет примириться с этим в сердце своем. Да, земной мир является подобием блошиного «цирка», организованного в его повести торговцем микроскопами и, по совместительству, «укротителем блох» (306) Левенгуком. И «высшая культура» (323) нынешнего человеческого сообщества, как и сообщества блошиного (из повести), состоит «преимущественно в том, что мы должны... чем-то сделаться или по крайней мере что-то собой представлять» (323) — «государственных людей, военных, профессоров и уж не знаю кого еще» (324). Печальное ее следствие — множество потребностей и проблем, которых никогда прежде ни люди, ни левенгуковские блохи не знали, а теперь должны «в поте лица их удовлетворять»

(323). Тем не менее, убежден Гофман, «мир не так плох, как... кажется» (352), хотя, конечно, и далек от совершенства, чему все мы — кто больше, кто меньше — виной. Ибо если одни из нас одержимы жадной ложного самоутверждения, другие, те, кто не горят желанием «чем-то сделаться или что-то собой представлять», пребывают в праздной бездеятельности или в «безрадостном отшельничестве» (337). Но не в бессмысленно-активной суете ради удовлетворения массы ненужных потребностей и не в пассивно-смиренно-растительном существовании заключено призвание человека. Оно, полагает Гофман, — в неустанном самосовершенствовании, в стремлении человека максимально соответствовать своему божественному прообразу. И он верит в возможность лучшей участи для человека и человечества, верит, что Бог всегда в состоянии чудесным образом изменить качество жизни при условии целенаправленных и неустанных усилий самих людей этого качества достигнуть. Судьба Перегринуса может и должна измениться к лучшему, но для этого герой должен осознать свою «безрадостную жизнь отшельника» (337) в качестве разновидности филистерского самодовольства и самоуспокоенности, «ребячества» (302) и «самого упрямого себялюбия» (338), должен внутренне измениться, открыто заявить миру о своей жизненной позиции.

Толчком к осознанию порочности и бессмысленности практики отречения от жизни, необходимости действенного отпора злу, пышным цветом расцветающему в мире при попустительстве человеческого равнодушия и безразличия, становится для героя столкновение с тайным советником Кнаррпанти, санкционировавшим его арест по обвинению в похищении Дертье. Позиция нравственной вседозволенности, исповедуемая Кнаррпанти, вызывает «глубокое негодование» (351) и возмущение Перегринуса, справедливо усматривающего в ней проявление ненавистной ему, но торжествующей в человеческом сообществе жизненной стратегии всевластья «больших денежных мешков», потребительства и обезличения человека. Никаких оснований подозревать Перегринуса, тем паче сажать его в тюрьму и подвергать допросу, у Кнаррпанти, занятого поисками некой загадочным образом пропавшей «весьма знатной дамы» (335), нет, но он идет на это без зазрения совести. Ибо его моральные и юридические принципы таковы, что позволяют ему подозревать человека в совершении преступления без достаточных на то оснований, в каждом подозреваемом заведомо видеть виновного и находить преступника даже в том случае, когда «не установлен самый факт преступления» (336). Ведь главное для Кнаррпанти не поиск истины, а демонстрация ревностного отношения к делу ради упрочения собственной служебной репутации в глазах сильных мира сего. «Важно прежде всего найти злодея, а совершенное злодеяние уже само собой обнаружится» (336) — таково нравственное и профессиональное кредо «этого хитрейшего крючка» (350), который ради личного

благоденствия готов «бросать черную тень на самые безобидные вещи» (350—351) и усиливать «дух ненависти» (350), навлекая «всякие беды» (350) на ни в чем не повинных людей.

Столкновение с Кнаррпанти становится началом пробуждения Перегринуса от полусонного существования, кладет начало его перерождению из романтика-теоретика в романтика-практика. Освободившийся из-под несправедливого ареста герой исполнен решимости деятельно противостоять распространению в мире духа неверия, прагматизма, бездушию. И именно теперь ему, как подсказывает Гофману чуткое сердце истинного художника, самое время заняться собой, своим самосовершенствованием, самое время приобщиться к великой тайне любви, иначе, движимый лишь гневом и чувством оскорбленного человеческого достоинства, он легче легкого из искателя справедливости и поборника добра может обратиться (пусть не сразу, а со временем) в пособника зла и подобие Кнаррпанти. Вот почему писатель вовлекает своего героя, уже очнувшегося от духовного сна, в череду сказочных приключений-испытаний, которые должны стать для него этапами душевного и духовного взросления и мужания, магического выявления скрытых источников любви и внутренней силы, должны способствовать его личностному становлению и приобщению к «действительной живой жизни» (371). Только выстояв в этих испытаниях, образующих подобие духовной мистерии, Перегринус по-настоящему, окончательно утверждается в качестве практического романтика и достойного члена общества, и чудесная гофмановская сказка получает «веселый и желанный конец» (395).

Постижение тайны любви

Обратить недовольство миром в деятельную к миру любовь — в этом суть духовно-нравственной трансформации, которую предстоит пережить гофмановскому герою в процессе личностного становления, на пути к достойному существованию. Для этого он должен совершить подвиг глубочайшего внутреннего перерождения во имя Любви, изменить свой «теперешний образ» (370), претерпев испытания, сравнимые с «ужаснейшими муками ада» (370) и пережив особую духовную мистерию, которая призвана облагородить все его существо: помочь ему стать терпеливым и великодушным, самоотверженным и верным, мужественным и добрым, обрести власть над собой, своими мелкими и низменными — блошиными?! — страстями и стремлениями, сделаться воистину «повелителем блох» — «блох» недостойных желаний; которая призвана, наконец, побудить его совершить грандиозное нравственное восхождение от тривиальной, вдохновляемой одними глазами и «распаляемой дикой страстью»

(325) любви-влюбленности к бескорыстной, сострадательной и созидательной, умной и высокой настоящей любви.

Главный итог свершения мистериального действия в «Повелителе блох» — пробуждение спящего в глубинах человеческого существа органа «познания высшего в человеческой природе» (391). Характеризуемый Гофманом как магический проводник и талисман чистой, пламенной любви, на физическом плане этот орган предстает в символическом образе «могущественнейшего и прелестнейшего карбункула Тильземаня или Тильземот» (376). Использование такой символики не является случайным, в нем обнаруживается знакомство писателя с древней, в дали веков теряющейся эзотерической традицией, согласно которой драгоценные камни служат посредниками действующих в мире высших сил. Сведения о ней он мог почерпнуть как из сочинений по кабалистическим наукам и натурфилософии, к которым обращался в процессе работы над «Повелителем блох»¹⁸, так и из средневековых немецких сказаний, повествующих о поисках «небесного камня» Грааля, в давние времена дарованного ангелами людям в качестве бесценного сокровища и источника высокой духовной традиции. К примеру, в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха упоминаются различные самоцветы, использованные для отделки храма (замка) Грааля на заповедной горе Монсальват: сапфиры, бериллы, рубины и другие — и перечисляются особые функции, которые каждый камень призван выполнять. О карбункуле говорится, что он венчает среднюю башню постройки и его назначение — указывать служителям (рыцарям) Грааля путь к замку, чтобы ночью они не заблудились в своих странствиях¹⁹. Другими словами, для душ, принадлежащих Граалю, одухотворенных светом высокого Идеала, карбункул служит надежным ориентиром, который «всегда светит им в земных сумерках и хаосе жизни»²⁰, не давая потеряться и сгинуть в ее дебрях.

Эти представления, характерные для традиционной символично-мистической интерпретации карбункула, в «Повелителе блох» обогатились рядом новых значительных смыслов, в чем проявилось несомненное и незаурядное новаторство Гофмана. Карбункул, фигурирующий в «безумнейшей из всех сказок», — это своего рода подобие карбункула на замке Грааля. Однако если карбункул Грааля, как и сам Грааль, — общечеловеческое достояние и святыня, Тильземот — талисман сугубо индивидуальный и действенность его всецело определяется духовной и душевной развитостью обладающего им индивида. Гофман пишет о «давнем предсуществовании» (368) этого камня, который в незапамятные времена то ли утратил свои функции, то ли был утерян мифическим прародителем человека, замечая, что возродиться он сможет не ранее, чем появится достойная его человеческая душа: «Звезды двигались по небу, диковинно переkreщивались на путях своих, и грозные их сочетания образовывали див-

ные фигуры. <...> Но ни одно звездное столкновение не пробуждало карбункула, ибо не родилась еще человеческая душа, которая бы хранила и лелеяла этот карбункул, дабы в познании высшего в человеческой природе он пробудился к радостной жизни» (391). Автор «Повелителя блох» связывает появление такой души с проникновенно-трепетным, затрагивающим сокровеннейшие основы человеческого существа мистическим посвящением личности в таинство высшей любви, символ свершения которого — пламенеющий в груди человека великолепный карбункул. «Луч сверкающего карбункула» (392) — это свет веры и любви в сердце человека, спасающий и поддерживающий человека в житейском море, помогающий ему не терять связь с небесной родиной, с Идеалом²¹. Любовь воспламеняет карбункул, спящий в человеческом сердце, и благодаря его действию сердце становится источником проявления высших чувств, сил и побуждений, а душа всегда помнит то, что для нее свято, и может без труда находить «дорогу домой» из самой непроглядной тьмы. И разве не примечательно, что интуитивные гофмановские прозрения в отношении тайнодействия карбункула оказались во многом пророческими, получив подтверждение в XX веке в трудах основоположника антропософии — науки о духовной сущности мира и человека — Р. Штайнера?²²

Однако пробудить карбункул в человеческом сердце — задача в наше время не из легких, поскольку люди утратили целомудрие чувств, чистоту души, разучились любить. В повести Гофмана это прискорбное событие переосмыслено аллегорически: как потеря (или невозможность использования) королем Секакисом, мифическим прародителем человека и идеальным прообразом Перегринуса, принадлежащего ему чудодейственного самоцвета и обусловленная ею «печальная судьба принцессы Гамахей» (306) — прекрасного тюльпана, дочери царицы цветов и Секакиса, олицетворяющей саму любовь. Гамахей влачит ныне «тягостную призрачную жизнь между страхом и смутной надеждой» (369), пребывая в «оцепенении цветочного сна» (313), от которого пробуждается «лишь время от времени и в другом образе» (313—314), и это — наглядное свидетельство трагического положения, в котором пребывает в нашем мире любовь. Чувственное влечение, которым по большей части исчерпывается теперь ее содержание, — жалкая пародия на небесное чувство, некогда дарованное человеку Богом²³. Пример такой униженной, примитивной, как бы в самом деле оцепенелой любви, в которой нет и намека на радость духовной близости, а есть только жажда удовольствий, в которой много страсти, игры, но мало подлинного чистого чувства, симпатии и духовного сродства, дают Георг Пепуш, вместе давний друг и филистерская ипостась Перегринуса, и «племянница» (314) Левенгука Дертье Эльвердинк. Лишь порой эти двое смутно прозревают некую иную реальность, где она является прекрасным тюльпаном, а он — влюбленным в нее чертополо-

хом Цехеритом, но никакого практического результата из этого извлечь не способны, ибо они — всего лишь простые обыватели, не склонные к целенаправленному совершенствованию и неустанному внутреннему подвигу, без которых невозможно пробудить любовь — Гамахею — к достойному существованию.

Решить участь Гамахеи не во власти филистеров: они бессильны изменить свою внутреннюю природу. Однако это под силу романтику и «простачку» Перегринусу, в ком жива память о «небесной отчизне». Первым важным этапом на пути духовного прозрения героя «Повелителя блох» становится проверка на практическое владение той нехитрой истиной, что любовь — это добро, ибо Гофман убежден: никакое счастье, никакое блаженство любви не может быть достигнуто ценой страдания кого бы или чего бы то ни было. Испытанию предшествует увлечение Перегринуса «прелестной Дертье» (344). Очарованный броской внешностью и бойкостью нрава «малютки» (344), бесхитростный простодушный герой видит в ней саму любовь, красоту и совершенство, которые — о чудо! — по собственной воле «шествуют навстречу отшельнику-мизогину» (357). С первой случайной встречи Перегринусу мнится, что Дертье поняла его, «как никто еще на земле» (302), и, мечтая о «глубоком нежном чувстве» (302), которое могло бы связать его с ней, он, в сущности, мечтает о близости душевной. Ведь истинная любовь, в его понимании (а точнее, в понимании сотворившего его автора), может родиться не иначе как из бескорыстной взаимной симпатии внутренне родственных душ.

Условия первому испытанию диктует герою безрадостная для него альтернатива между возможной смертью возлюбленной (Дертье) и изменой слову, которое он дал другу (мастеру-блохе — главе диковинного сообщества дрессированных блох, или, попросту, блошиного «цирка», который организовал Левенгук). Дело в том, что «для поддержания красоты и юности» (324) Дертье необходимо, чтобы ее время от времени взбадривал своим укусом мастер-блоха: ведь она — не обыкновенный человек, а своего рода «автомат», искусственное создание, возникшее по прихоти микроскопистов Левенгука и Свамердама. Узнав, что мастер сбежал из левенгукова плена и нашел защиту у Перегринуса, «малютка» также покидает «укротителя блох» (306), добивается расположения Перегринуса и, поселясь у него в доме, именем любви заклинает вернуть ей «ее слугу, сбежавшего от нее» (356): в противном случае ей грозит неминуемая гибель. Ситуация для Перегринуса, обещавшего мастеру-блохе свое покровительство, — тупиковая. Единственный достойный выход из нее он видит в том, чтобы умереть вместе с Дертье, ибо для него «лучше смерть, чем измена» (360). К счастью, до этого не доходит: в последний момент мастер по собственной воле спасает (то есть кусает) умирающую, тотчас затем возвращаясь в галстук к Перегринусу. Однако значимость нравст-

венной победы гофмановского героя не становится от этого меньше: ведь он победил «в то мгновение, когда и самая смерть возлюбленной не могла поколебать» (381) его решения. Победил, сумев подчинить страсть долгу, проявив волю, без которой человеческая жизнь есть «только непрерывное желание» (379). Победил, потому что всем личным доводам разума и чувства противопоставил высшую (надличную) потребность некой всеобщей справедливости.

Уже первую победу Перегринуса сопровождает аллегорический восход «солнца, которое озарит все тайны» (381), и она заставляет «ликовать и радоваться» (381) не только мастера-блоху, но и автора и читателей сказки. Однако до конца мистерии еще далеко. Чтобы стало возможным второе испытание, Перегринус должен сперва определиться с выбором между «истинной» и «мнимой» возлюбленными. Дертье, которую он любил одними глазами, без участия души, не может быть его истинной любовью. Искренность, доброта, душевная цельность Перегринуса никоим образом не сочетаются с эгоизмом «малютки», неподлинностью и переменчивостью ее чувств, какой-то их поверхностностью и мишурностью, схожими с ее «фантастическим» (331), «обольстительным платьем из серебряной тафты» (344). И по мере духовного мужания герой все яснее понимает, что его влюбленность в Дертье не способна перерасти в нечто большее, ибо между душами — его и Дертье — нет родства, взаимной симпатии и веры. Да и откуда бы им взяться, принимая во внимание искусственное происхождение Дертье, к разгадке которого Перегринус, сам того не подозревая, оказывается весьма и весьма близок, когда прозревает в глубине глаз «прелестной» (344) «что-то безжизненное, застывшее... чуждое, чему никоим образом не следовало доверять» (380).

Истинной возлюбленной Перегринуса становится Розочка Лэммерхирт, дочь переплетчика, скромная, трудолюбивая девушка, восхитительная в своей чистоте, цельности, готовности полюбить и разделить с тем, кого полюбит, его дорогу. В любви к Розочке душа героя обретает, наконец, все то, что так долго не могла она отыскать, и мистерия его получает импульс к дальнейшему развитию. Следующим ее этапом становится постижение Перегринусом взаимообусловленности любви и веры: «только в вере есть любовь»²⁴. Происходит это в то неуловимое мгновение, когда он удерживается от соблазна использовать чудесный микроскоп мастера-блохи, позволяющий читать чужие мысли, дабы убедиться в искренности Розочки, говорящей о своей к нему любви. Любовь нельзя оскорблять недоверием: без веры нет любви! Надо верить тому, кого любишь, надо уметь прощать, забывая случайное мелкое зло во имя большого Добра и каждый день, каждый миг заново начиная работу по созиданию храма взаимопонимания и духовно-душевного сродства!

Теперь тайна любви уже вполне постигнута Перегринусом, и «высший, решительный момент... жизни» (390) его совсем уже близок. Герою остается сделать последнее усилие, последний шаг в духовном восхождении: распространить на весь мир то, что принял в отношении самого близкого и родного (Розочки), от частного перейти к общему, расширяя душу до масштабов Вселенной и постигая доверие к другому, способность к смирению и самоограничению ради того, что любишь и потому не желаешь превосходить его ни в славе, ни в знании, ни в силе, но хочешь лишь быть равным ему в любви, как первейший закон достойного человеческого бытия. И этот шаг он совершает, выстояв в заключительном, самом трудном испытании, связанном с искушением соблазнительной возможностью сделаться владельцем волшебного микроскопа мастера-блохи.

Назначение этого испытания — побудить героя к совершению мучительного, глубоко индивидуального нравственного выбора, суть которого заключается в победе над инстинктивно присущими каждому человеку стремлениями к самоутверждению и самовозвышению (через власть, богатство, знания etc.) и осуществление которого есть верный знак сознательного отрешения индивида от состояния ложного эгоизма, решительного его поворота на путь общности, свидетельство пробуждения в душе самой могучей силы, заложенной в природе любви, — «потребности человека преодолевать границы своего "я" в стремлении к тому, что он любит»²⁵, — и приобщения ее обладателя к высшей тайне любви²⁶. Обстоятельства последнего испытания Перегринуса, кульминационного в переживаемой им мистерии, на удивление просты: мастер-блоха, отпущенный героем на свободу, дарит ему в благодарность микроскопическое стекло, изготовленное «одним из... искусных оптиков его (то есть блошиного. — Г.М.) народа» (327), которое позволяет своему владельцу читать чужие мысли и благодаря этому повелевать и управлять другими людьми. Завладеть чудесным стеклышком — заветная мечта Левенгука и Сваммердама, ученых-естествоиспытателей, олицетворяющих ненавистное Перегринусу (и Гофману) познание без веры и любви, имеющее целью одно лишь покорение природы, вместе жалких и страшных в своем отчаянном стремлении разгадать с помощью диковинного микроскопа все загадки мироздания и достигнуть ворот рая. Знает о невероятных свойствах блошиного микроскопа и Перегринус: не раз, когда мастер-блоха вставлял ему в глаз сей магический предмет, он имел возможность убедиться в его «удивительном действии» (319). Однако всегда, чем яснее понимал он все преимущества владения замечательным инструментом, тем живее рисовалась ему опасность, грозящая ему, если бы он «нечестиво воспользовался микроскопическим стеклом, которое подсовывала ему какая-то темная сила» (389).

В итоге мучительных раздумий Перегринус приходит к выводу, что подарок мастера-блохи, хотя и сделан с добрым намерением, является

«все-таки во всех отношениях... адским подарком» (389) и потому должен быть отвергнут. Внутренний монолог героя, в котором обосновывается совершаемый им выбор и раскрывается перед нами все благородство его души, равно как и благороднейшая душа автора, исполнен величайшего пафоса и звучит как настоящий гимн душевной открытости и чистоте, радости верить, любить и совершать добро во имя любви. «Разве человека, испытывающего сокровенные мысли своего ближнего, не постигает как следствие этого рокового дара ужасная участь Вечного Жида, который скитается по пестрому миру, как по негостеприимной безутешной пустыне, без надежды, без горя и без радости, в тупом равнодушии, этой *carpit mortuum* отчаяния» (389), — рассуждает Перегринус. И далее: «При беспрестанно возникающих надеждах, при беспрестанно возобновляющемся доверии к людям и при повторяющемся каждый раз горьком разочаровании в них возможно ли, чтобы недоверие, злостная подозрительность, ненависть, мстительность не свили себе гнезда в душе и не истребили бы в ней всех следов воистину человеческого начала, выражающегося в сердечной доверчивости, кротости и добродушии? Нет! Меня не обманут твое приветливое лицо, твои льстивые речи, хотя бы ты и таил ко мне в глубине души незаслуженную ненависть; я буду считать тебя своим другом, я буду делать тебе добро, какое только смогу, я открою тебе мою душу, потому что мне это отрадно, и минута горького разочарования, если она наступит, ничего не стоит против радостей прекрасного, минувшего сна» (389). Лучше сто раз ошибиться, приняв врага за друга, нежели, случайно узрев однажды в друге врага, исполниться разочарования и ненависти ко всему сущему. Лучше быть тысячу раз обманутым, преданным, осмеянным, чем перестать верить людям, миру, Богу. Ибо, теряя веру, мы убиваем лучшее в себе, собственными руками гасим наше внутреннее солнце, «подтачиваем самые корни жизни» (389). «Желать, подобно падшему ангелу света, сравнивать себя с вечной силой, которая читает в душах людей, потому что владеет ими» (389), — это, как убежден Перегринус, «безбожное преступление» (389). Он хочет верить и верит в изначальную чистоту помыслов и изначальную приверженность добру всех без исключения людей, потому что не хочет, чтобы «мрачное недоверие» (389), «несправедливый гнев» (389), «ядовитое сомнение» (389) вносили, как он выражается, «раздор в мое земное бытие» (389) и «отчуждали меня от меня самого» (389). А посему — «прочь, прочь этот злополучный дар!» (389) — так заключает он свои размышления и без колебаний возвращает мастеру-блохе волшебный микроскоп.

Это решение не является, как принято считать, следствием душевной слабости героя, его страха перед жесткой правдой жизни и малодушного предпочтения ей «радужных поэтических иллюзий, которые сложились в его собственном "я"»²⁷. Напротив, оно продиктовано ясным пониманием

того, что «жестокая обнаженная правда»²⁸ бытия не является абсолютной, последней истиной, а доводы рассудочного эмпирического знания, которое только и может дать микроскоп мастера-блохи, не могут считаться вполне достоверными, если не были приняты во внимание также аргументы интуиции, любви и веры. Позиция Перегринуса — это позиция истинного романтика, своим антирационалистическим, антимеханистическим пафосом близкая «философии чувства и веры» И. Г. Гамана²⁹ (являющегося, кстати говоря, одним из вдохновителей немецкого романтизма), суть которой в том, что «для адекватного познания недостаточно только чувственного отношения к познаваемому "другому", поскольку чувства открывают нам доступ только к внешней стороне, к "букве" ... необходимо "аппликативное отношение, необходима любовь Пигмалиона", страстное стремление "любящего", иначе "другое" останется "мертвой" и "немой" вещью»³⁰. Собственно, именно такое отношение к «другому» и открывается Перегринусу как последняя тайна любви, и, всем сердцем принимая это откровение, гофмановский герой совершает воистину духовный прорыв, вступая в нравственные пределы, недостижимые для филистеров и прагматиков, которым чужды вера и бескорыстная любовь, служащие этим пределам основанием, решительно и бесповоротно утверждает на пути практического романтизма — пути бесконечного, «с верою и любовью познания»³¹, повседневного незримого труда облагораживания мира вокруг себя и почти безграничной готовности к пониманию и прощению. И это духовное перерождение, нравственное возвышение героя составляет главный онтологически и экзистенциально значимый результат пережитой им мистерии, победное завершение которой символизирует свершение высокого таинства, с которым в его сердце «зажглись в полном блеске могучие лучи истинной чистой любви» (390), а сам он «пробудился к радостной жизни» (391).

Великий и знаменательный момент пробуждения души, способной «хранить и лелеять» (391) как бесценное достояние и сокровище мистический талисман веры и любви, предстает Перегринусу во сне, где он видит себя на «великолепном троне» (391), воздвигнутом в «необозримом зале, колоннами которого были тысячи стройных кедров, высоких до небес» (392). Ослепительный свет наполняет зал, и источник слепящих лучей — карбункул, пылающий в груди Перегринуса. Отныне он — полный властитель самого себя, подлинно зрелая личность, которая способна достойно распорядиться своим духовным богатством. Одухотворив чувства, смилив страсти, отказавшись от «детских мечтаний» (337), он обрел возможность жить, деятельно проявляя лучшие свои качества, вышел на новый — истинно человеческий — уровень бытия. Уровень, на котором нет места недовольству, злобе, жажде чужой крови, и потому принц пиявок «должен был перед лучом сверкающего

карбункула бежать в недра земли» (392). Уровень, на котором едины слово и дело, недопустимы ложь, демагогия, пустое умствование, и потому олицетворяющий их гений Тетель под действием луча любви расплывается в «лишенное всякого содержания ничто» (392). Уровень, где царит познание с верой и любовью и Левенгуку и Сваммердаму — лжеученым «сумасбродам» (393), которые стремились «исследовать природу, не имея ни малейшего понятия о ее внутренней сущности» (393), с сердцем «мертвым и холодным» (393), — остается лишь восседать «посреди зала на колоссальных микроскопах» (392), строя «жалкие, плачевные рожи» (392). Уровень, где только любовь властвует беспредельно и «чистая лазурь... сверкая сквозь переплетшиеся ветви кедров» (392), взирает на все «любящими очами» (392).

Мажорным описанием пробуждения души героя, знаменующего для него начало новой, прекрасной и радостной, «действительной живой жизни» (371), заканчивается «безумнейшая» сказка «Повелитель блох» — вдохновенная песня во славу веры, самоотверженной любви и деятельного романтизма — неотъемлемых компонентов достойного бытия всякого человека, без которых, как полагал ее автор, невозможно начало подлинной истории человечества — истории развития человечности. Поверим же Гофману, не останемся глухи к его словам. Будем дерзать верить и любить — верно, чисто, бескорыстно, не отказывая в своей милости даже врагам (но при этом никогда нравственно не примиряясь со злом). Станем «повелителями» наших «блошиных» страстей, освободим себя от необходимости удовлетворять бесчисленные и бессмысленные в массе своей потребности. Найдем силы для разумного самоограничения во имя свободного развития не только себя, но и других. Будем помнить о высоком человеческом предназначении, которому никто не вправе изменять.

Жажда самовозвышения при неспособности к смирению и самоограничению стала причиной того, что грех вошел в мир, и наши прародители, ослепленные «злыми чарами коварного демона» (391), узрели «ложного терафима вместо истинного духа» (391), враз лишившись способности воспламенять силу могущественного талисмана, изначально дарованного каждому человеку Богом, и утратив духовное владычество над принадлежащим им царством — нашей прекрасной землей. И, наверное, в самом деле только свет наших сердец — свет веры и любви — поможет нам освободиться от сетей зла, которые опутали мир в результате «трагедии грехопадения»³², укажет дорогу к более высокому и достойному бытию; только силой горнего духа любви и романтики сможем мы одолеть «тусклость и мелкость земной жизни»³³, сумеем вернуться в «золотой век». Так пусть крылья любви вознесут

нас над «суею и гнетущей мукой земного»³⁴ и, как в последней гофмановской сказке, в каждом из нас романтик изо дня в день побеждает филистера: Перегринус Тис — Георга Пепуша, Розочка Лэммерхирт — Дертье Эльвердинк...

¹ См.: *Карельский А. В.* Эрнст Теодор Амадей Гофман // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1991. Т. 1. С. 20.

² См.: *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. СПб., 2001. С. 427.

³ *Бэлза И. Ф.* Музыка в жизни и творчестве Э. Т. А. Гофмана // Гофман Э. Т. А. Избранные произведения. М., 1989. С. 23.

⁴ Понятие, введенное В. М. Жирмунским для обозначения феномена исхода деятелей романтизма в традиционное христианство, в католицизм. Как принято считать, религиозное отречение ознаменовало отход романтиков от активной борьбы за новый жизненный идеал, за внедрение романтических ценностей в действительность, признание нереализуемости высших человеческих потенций на земле, солидаризацию с христианским каноном превознесения загробного мира в качестве лучшего из миров, утрату веры в человека, в бесконечные возможности его роста и совершенствования, ознаменовало, наконец, предательство «знаменосной идеи — творчески активного субъекта» (*Парамонов Б.* След: Философия. История. Современность. М., 2001. С. 12). Вместе с тем религиозное отречение стало одним из актов внутренней драмы романтизма, выразившейся в расслоении однородного прежде движения на два отдельных, практически несвязанных потока: романтизм довольства, жизненного инфантилизма, принятия действительности такой, какова она есть, романтизм, страшщийся страданий и потому ратующий за душевную успокоенность, и романтизм развития — развития человеческой личности прежде всего, развития вопреки всему, развития, неотделимого от страданий и борьбы, романтизм, чуждый самовосхваления и самодовольства, умеющий сомневаться, не идущий слепо на поводу рассудка, нацеленный на духовный поиск и «горение» души. (В характеристике романтизма довольства и романтизма развития мы следуем представлениям Н. Я. Берковского: *Берковский Н. Я.* Статьи и лекции по зарубежной литературе. СПб., 2002. С. 149—151, 156, 159—161.)

⁵ *Гофман Э. Т. А.* Эликсиры сатаны; Ночные рассказы. М., 1992. С. 15.

⁶ *Э. Т. А. Гофман:* Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / сост. К. Гюнцеля. М., 1987. С. 24.

⁷ Там же. С. 293.

⁸ *Гофман Э. Т. А.* Собр. соч.: в 6 т. М., 1999. Т. 4, кн. 2. С. 84.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Мокеева Г. И.* «Золотой горшок» Э. Т. А. Гофмана как романтический миф о приобщении к священной гармонии мироздания // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 35—50.

¹¹ *Карельский А. В.* Указ. соч. С. 23. Курсив автора.

¹² *Гофман Э. Т. А.* Новеллы. М., 1983. С. 20.

¹³ *Гофман Э. Т. А.* Повелитель блох / пер. с нем. М. Петровского // Гофман Э. Т. А. Новеллы. М., 1983. С. 386. Дальнейшие ссылки на повесть Гофмана «Повелитель блох» даются непосредственно в тексте путем приведения в скобках номера цитируемой страницы в указанном издании.

¹⁴ Гофман Э. Т. А. Эликсиры сатаны ... М., 1992. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 252.

¹⁶ На рубеже XVIII — XIX веков в Йене жили и творили крупнейшие деятели и теоретики романтического движения — братья А. В. и Ф. В. Шлегели, Новалис, Л. И. Тик, В. Г. Вакенродер, Ф. В. Й. Шеллинг.

¹⁷ Гофман Э. Т. А. Новеллы ... С. 61.

¹⁸ См.: Гофман Э. Т. А. Собр. соч. ... Т. 5. С. 502.

¹⁹ Сведения о поэме «Парцифаль» В. Эшенбаха заимствованы из книги: Майер Р. В пространстве — время здесь... История Грааля. М., 1997.

²⁰ Майер Р. Указ. соч. С. 70.

²¹ Образ спасительного луча-ориентира присутствует уже в первом сочинении Гофмана — новелле «Кавалер Глюк». Размышляя о том, как человеку, в особенности художнику, жить, чтобы не растратить жизнь впустую, не «растечься в грезах и перестать отбрасывать тень», писатель пишет о необходимости держаться в жизненных и творческих странствиях спасительного луча, чья «вершина — соприкосновение с предвечным, неизреченным» (см.: Гофман Э. Т. А. Собр. соч. ... Т. 1. С. 35.).

²² Штайнеровское понимание мистических сил, заключенных в самоцветах, основано на представлении, что много тысячелетий назад «драгоценные камни возникли как органы чувств земной души» (Майер Р. Указ. соч. С. 293). Являясь кристаллическими образованиями, они способны наилучшим образом «обеспечить отражение излучения космических сил» (293), и человеческим органам чувств, с помощью которых люди воспринимают окружающий их мир, еще только предстоит в процессе долгого развития и очищения уподобиться представителям царства минералов в их совершенстве и самоотверженности. Так, глаз по способности «самоотверженно видеть» (294) должен сравняться с хризолитом, ухо в умении «самоотверженно слышать» (294) должно стать подобным ониксу и т. д. Действие карбункула Штайнер связывает с пробуждением функции шишковидной железы или эпифиза — рудиментарного ныне органа, расположенного в области головного мозга. По его мнению, у людей древнейших ясновидческих культур, в частности у жителей Атлантиды, этот орган был хорошо развит и служил им для прямого восприятия эфирных космических потоков и гармонизации существования. Ибо карбункул способен «затронуть силы, сокрытые в самых глубинах сердца» (70), помогая человеку сохранить присутствие духа, принять верное решение в сложной ситуации и давая ему чувство внутренней защищенности и уверенности даже «когда водительство судьбы оказывается на время скрыто от сознания» (70). Увы, для современного человека все это может быть достигнуто разве что в царстве сна, свободном от действия страстей: образно говоря, «карбункул, сокрыто покоящийся в глубинах человеческой природы, ждет, когда для него придет время засиять снова» (301). (Цифры в скобках соответствуют номерам цитируемых страниц в указанном издании книги Р. Майера.)

²³ Как можно предположить, причину этого, равно как и источник антагонизма земной и небесной любви, Гофман усматривает в не прекращающейся с XIII века борьбе двух миропониманий и соответствующих им двух типов чувственного отношения человека к действительности. Миропонимания (и мироощущения) рассудочного, утилитаристского и атеистического в своей основе, которое постигает природу и ее тайны не как предчувствие высшей жизни, но «как рассчитывает и измеряет их с помощью циркуля и линейки дерзкий астролог» (Гофман Э. Т. А.

Собр. соч. ... Т. 4, кн. 1. С. 269) — человеческий ум. И миропонимания-мирочувствования интуитивно-духовного, утонченно-музыкального, неформально-религиозного, основывающегося на вере в сокровенную незыблемую связь Творца и творения, в то, что человек, сотворенный по образу и подобию Божию, есть вместе с тем только малая частичка Божественного Замысла, всего лишь элемент высшего Единства, законы которого ему надлежит неукоснительно соблюдать; допускающего существование истины, лежащей за пределами человеческого разума и известных пяти чувств, и все — вплоть до движения Солнца и других звезд — соотносящего не с силой рассудка, но с Небесной (Божественной) любовью. При этом все беды, вся трагедия нашего теперешнего бытия, по убеждению писателя, в значительной мере обусловлены тем, что в жизни восторжествовало первое — сухое, рассудочное, безлюбное — мирочувствование, с которым люди утратили веру и целомудрие души, утеряли сакральную связь с миром, разучились любить чисто и бескорыстно. Ужасающая «символика судеб человеческого рода, утрачивавшего от поколения к поколению свою органическую стройность, забывавшего свою внутреннюю связанность ... символика грубой физической святотатственной связи там, где подсказывалась связь нежная, духовная, сестры и брата и где эта подсказка не была услышана или же была извращенно понята и превратилась в brutальные отношения» (Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб., 2001. С. 473), явленная им на страницах «Эликсиров сатаны» в виде тянувшейся из века в век череды преступлений, убийств, предательств, инцестов, составляющей историю духовного и физического вырождения и гибели нескольких старинных немецких и итальянских семейств, не только наглядно свидетельствует о патологическом характере человеческой чувственности в нынешнем ее виде, но и буквально вопиет о необходимости изменения всей ее структуры, в которой чистое чувство, нежность и симпатия безраздельно подавляются грубым вожделием, жадной наслаждений, страстью.

²⁴ Гофман Э.Т.А. Новеллы ... С. 39.

²⁵ Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 375.

²⁶ Отметим чрезвычайную актуальность подобного выбора для современного человечества, существующего в постоянном страхе перед природными и социальными катаклизмами и нуждающегося в коренном переосмыслении своей жизненной стратегии, символом которой в наше время является безудержный антропоцентричный научно-технический прогресс, нацеленный на покорение Вселенной и движимый бездушным познанием, безразличным к облагораживанию и возвышению человека и мира вокруг него.

²⁷ Тураев С.В. Немецкая литература // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 55.

²⁸ Там же.

²⁹ Гильманов В.Х. «Крестовые походы» И.Г. Гамана против Просвещения // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. №3. С. 14.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Гофман Э.Т.А. Новеллы ... С. 80.

³² Там же. С. 19—20.

³³ Там же. С. 19.

³⁴ Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: в 6 т. ... Т. 1. С. 49.